

Юнь Буши так и не сжалился над Юнь Вэнем раньше срока — его выпустили из семейной кумирни только на следующий день, минута в минуту.

Проведя ночь в неотопливаемом святилище без крошки во рту, израненный Юнь Вэнь сильно занемог и забился в лихорадке. Госпожа Ху, обливаясь слезами, не отходила от его постели. В душе она яростно проклинала Цзин Юньшу, но сейчас у неё попросту не оставалось сил, чтобы строить ему козни.

И в Западной, и в Восточной столицах, да и в самом Янчжоу держали почтовых голубей для спешных вестей. Птицы, бывало, сбивались с пути, гибли в ненастье или попадали в чужие руки, ставя под удар тайны переписки, а потому прибегали к ним нечасто. Однако Юньшу дорожил временем. Чтобы обезопасить себя, он зашифровал послание упрощёнными иероглифами и отправил сразу трёх птиц с одним-единственным вопросом: зачем принц Чу едет в Янчжоу?

Ответ из столицы пришёл на удивление быстро — в конце концов, это решалось на глазах у всего двора и тайной давно не являлось.

Оказалось, что местные жители при разработке соляных копей наткнулись на древнюю, кем-то заброшенную пещеру, внутри которой высилась целая скала из чистого нефрита. Великий главнокомандующий Янчжоу, не теряя времени, придал находке налёт божественного промысла, преподнеся её императору как благое знамение. Государю отослали подробный свиток с рисунком. Тот пришёл в неописуемый восторг и повелел очистить «нефритовую гору» от пустой породы, после чего доставить во дворец.

Изначально принц Чу никак не был связан с этим делом. Однако пятый принц — сын добродетельной супруги Шангуань, носивший титул принца Ци — У Чэнчжунь вкрадчиво предложил возложить почётную миссию сопровождения на своего четвертого брата, У Чэнсюаня.

Обычная, по сути, работа конвоира едва ли требовала личного участия столь высокой особы; предложение это преследовало одну цель — прилюдно унижить принца Чу.

У Чэнсюань никогда не пользовался милостью отца, и третий принц — сын благородной супруги Вэй, принц Цинь У Чэнби — не упустил случая вставить свои пять копеек. Обычно эти двое терпеть не могли друг друга, но, когда выпадала возможность уколоть принца Чу, они действовали на редкость единодушно. Принц Цинь тут же поддакнул брату, велеречиво расписывая чрезвычайную важность святыни: дескать, простому чиновнику столь ценный груз доверить нельзя — непременно проявит халатность, и только верный долгу принц Чу убережёт сокровище.

Разве мог У Чэнсюань отказаться? Он стоял перед троном прямо во время утренней аудиенции, притвориться больным не позволяли приличия. Ему пришлось безропотно принять повеление и спешно отбыть в Янчжоу.

Прочитав это, Цзин Юньшу сразу понял, какие подводные камни таит в себе эта поездка. Дорога с подобным грузом обещала быть крайне опасной. Будь он на месте соперников У Чэнсюаня, он бы костями лёг, но не позволил доставить нефрит в целости — ведь неудача напрочь погубила бы принца Чу. Наверняка те двое воспользуются шансом нанести сокрушительный удар.

Но где именно они устроят ловушку? Сжигая над свечой бумажную полоску, Юньшу размышлял: везти столь громоздкую глыбу по суше безумно тяжело. Значит, выберут речной путь. Напасть на воде и похитить груз непросто... Может, дело в самом судне?

Он позвал Чжили:

— Передай Мао Юну, пусть его люди приглядывают за кораблем, на котором принц Чу повезет нефрит. Если судно еще не нанято, пускай ждут, когда выбор будет сделан. О любых подозрительных перемещениях или людях докладывать незамедлительно, до мельчайших подробностей.

— Будет исполнено, — кивнула Чжили. — Но почему вы, господин, так печётесь о делах принца Чу?

Цзин Юньшу лишь отмахнулся, не желая пускаться в объяснения. Он прекрасно понимал, что никогда не сможет ответить взаимностью на чувства принца. Столичный водоворот интриг пугал его; Юньшу мечтал прожить эту жизнь тихим землевладельцем, подальше от дворцовых драм. Но видя искреннюю, чистую преданность принца Чу, он не мог оставаться безучастным. Чем заслужил он, простой смертный, такое отношение? Помочь принцу в трудный час — единственное, чем он мог отплатить за теплоту. Пусть этот жест станет прощальным даром, на котором их история и завершится.

Встреча была назначена на вторую половину дня. Пообедав и немного отдохнув, Цзин Юньшу отправился в путь. Он покидал поместье без малейших опасений: чужие толки его не заботили. Чжили набросила ему на плечи тёплое манто из рыжего лисьего меха, и они сели в экипаж, державший путь к Саду Су.

Сад Су раскинулся у самой реки. Спроектированный лучшими мастерами ради услады взоров именитых гостей, он поражал изысканной роскошью: бесконечные анфилады комнат, переплетающиеся галереи, потайные беседки и укромные залы, переходящие один в другой. Ступив под его сень, путник мгновенно терял счёт времени и направление, погружаясь в сладостное оцепенение.

Даже издали сад казался чудом: разноуровневые крыши павильонов тонули в зелени, из-за которой проглядывали резные ставни, изгибы киноварных перил и узорчатые занавеси. В лучах полуденного солнца блестела черепица, переливаясь самоцветами и рождая фантастическую игру света.

Внутри взору открывалось ещё большее великолепие — расписные балки и искусная резьба по

дереву поражали тонкостью работы. Тропинки петляли, скрывая и вновь открывая взору живописные виды, увлекая гостя всё дальше в глубины этого земного рая.

Резные балюстрады тянулись вдоль чистых прудов, золочёные драконы обвивали несущие колонны, а у ворот застыли нефритовые стражи-звери. Ажурные окна ловили отблески дневного светила, а лёгкие створки покачивались от дуновений ветра.

После нескольких дней тёплой и ясной погоды небо неожиданно затянуло тучами, и пошёл мелкий, грибной дождь. Над речной гладью поползла молочно-белая дымка, укутывая Сад Су полупрозрачной вуалью и превращая его в подобие обители бессмертных.

В глухую зимнюю пору ивовые ветви у воды стояли голыми, чётко прорисовываясь на фоне блёклого неба. Вода в озере казалась прозрачной и тёмной, берега дышали простором, а туман мягко сглаживал очертания павильонов. Влажный воздух бодрил приятной прохладой.

Растения в саду по большей части сбросили листву и дремали до весны, являя миру лишь причудливые сплетения ветвей. Единственным ярким пятном среди зимней скуки оставалась распутившаяся восковая слива — её золотистые, нежно-жёлтые и пурпурные цветы источали тонкий, едва уловимый аромат. В небольшом пруду лениво кружили золотые карпы кои.

Отражения террас зыбились в воде, а сквозь пелену тумана проступали контуры крыш, словно на старинном свитке, написанном тушью.

Вид из окон каждого павильона был уникален, точно живая картина в раме. Устроиться в таком покое у жаровни с кувшином подогретого вина — ни с чем не сравнимое удовольствие. Неудивительно, что Сад Су так любили поэты и каллиграфы. Впрочем, остаться здесь на ночь могли лишь очень богатые люди: плата за постой была баснословной.

Но Янчжоу не зря славился своим богатством: денежных мешков здесь хватало, так что даже в разгар зимы в саду былолюдно.

Поскольку принц Чу пригласил местных книжников, а Цзин Юньшу заранее велел Мао Юну принять высокого гостя по высшему разряду, для собрания отвели великолепный пятиярусный павильон. Это несимметричное многоугольное здание имело сквозные галереи, выходящие на разные уголки усадьбы. Внутренний двор украшал просторный пруд под открытым небом, у которого уже устроились с удочками несколько литераторов.

К моменту приезда Цзин Юньшу залы ломились от гостей. Собравшиеся шумно обсуждали прелесть зимнего пейзажа, делились историями из дальних странствий, декламировали стихи за чаркой вина — словом, царило непринуждённое оживление.

И лишь вокруг самого принца Чу образовалась мёртвая зона. Кое-кто из вежливости честно пытался завязать беседу с хозяином приёма, но У Чэнсюань решительно не умел вести светские разговоры: он либо рубил правду-матку в глаза, либо угрюмо молчал. Шэнь Сунсюнь

изо всех сил старался сгладить неловкость, но в одиночку исправить положение не мог.

Самого У Чэнсюаня это мало трогало. Он сидел на невысоком ложе, то и дело поглядывая на круглые лунные ворота во дворе. К чужому равнодушию он привык с малых лет. Хмурый вид принца не был проявлением неприязни к гостям, но молодые учёные этого не знали: они робели перед грозным царственным лицом, быстро сворачивали вежливые расспросы и спешили вернуться в круг друзей.

Увидев вошедшего под арку Цзин Юньшу, У Чэнсюань преобразился — он просиял и тут же поднялся навстречу.

Шэнь Сунсюнь, хотя когда-то и сам числился среди книжников, за долгие годы в армии растерял столичный лоск и приобрёл солдатскую прямоthu. Ему изрядно приелось высасывать из пальца велеречивые фразы, а собеседник-литератор при виде вскочившего принца и вовсе испугался, словно заяц перед волком.

Шэнь Сунсюнь с улыбкой качнул головой:

— На улице не май месяц, пойдёмте лучше выпьем горячего вина, молодой человек.

Бедняга-учёный, уже не знавший, куда деваться от неловкости, с облегчением закивал:

— Да-да, прекрасная мысль!

И поспешно ретировался вслед за наставником Шэнем.

Принц Чу вышел на веранду встретить Цзин Юньшу. Чжили для удобства переоделась в мужское дорожное платье северного кроя; она аккуратно сложила зонт и передала его слуге.

Заметив, как тепло укутан гость, У Чэнсюань обеспокоенно спросил:

— С утра ведь погода стояла славная, кто же знал, что к обеду зарядит дождь? Не озяб ли ты, Сан-лан? Взял ли с собой грелку? Если позабыл, я захватил ту грелку с кирином, заходи скорее в тепло, согреешься.

За узорными ширмами павильона гремели лютни и раздавались зычные голоса декламаторов. В углу же принца Чу сиротливо стояли одинокая кушетка да пара табуретов. Возле хозяина обретался лишь молчаливый мужчина с военной выправкой.

Телохранитель с нескрываемым любопытством изучал вошедшего господина.

Поприветствовав принца, Цзин Юньшу повернулся к его спутнику и вежливо сложил ладони в поклоне:

— Приветствую вас. Моё имя Юньшу.

Охранник поспешно поклонился в ответ:

— Ду Хэн, начальник личной стражи Его Высочества.

— У меня тут довольно уныло, — слегка смутившись, проговорил У Чэнсюань. — Не хочешь присоединиться к остальным гостям, Сан-лан? Там веселее.

Цзин Юньшу качнул головой:

— Вовсе нет, мне и здесь хорошо.

Он терпеть не мог пустой болтовни и фальшивых улыбок, так что тихий уголок у принца казался ему идеальным прибежищем.

Эти слова явно обрадовали У Чэнсюаня. Хоть его лицо и сохранило бесстрастность воина, он посмотрел с неподдельной нежностью.

— Присаживайся, прошу, — засуетился он, усаживая гостя на кушетку и бережно извлекая из-под шерстяного пледа грелку с кирином. — Накрой ноги одеялом, чтобы не сквозило, и возьми вот это.

При виде этой неуклюжей заботы на душе у Цзин Юньшу потеплело, и он мягко улыбнулся.

— Благодарю за заботу, Ваше Высочество, но у меня всего две руки, и обе заняты, — мягко отказался он, показывая свои широкие рукава, в которых уже прятал небольшую дорожную грелку.

Чжили, стоявшая чуть поодаль, прикрыла рот рукавом, сдерживая смехок.

У Чэнсюань в некотором замешательстве прижал грелку с кирином к себе. Оглядевшись по сторонам, он неловко спросил:

— Может... желаешь сыграть на цине?

— Признаться честно, я человек приземлённый, — покачал головой Юньшу. — Ни играть на музыкальных инструментах, ни складывать стихи не умею. Я долго сомневался, стоит ли

принимать ваше приглашение, ведь унылое чаепитие со мной могло лишь испортить вам настроение.

У Чэнсюань присел рядом на край ложа и поспешно ответил:

— Пустяки! Я и сам в этом ничего не смыслю. Вот, в полном одиночестве осушил уже два чайника.

<http://bllate.org/book/18296/1771579>